

Василий МАКУРОВ

г. Петрозаводск

Виктор КОПАНЕВ

г. Мурманск

Карибский кризис и Северный флот

Подавляющее большинство населения земного шара даже не предполагало, что пятьдесят лет назад, в октябрьские дни 1962 г., мир находился на грани ядерной войны. Противостояние двух мировых ядерных держав того времени, СССР и США, в условиях «холодной войны» едва не привело к мировой катастрофе. Причиной этого послужило размещение американских атомных ракет на границах СССР и, как ответная реакция, размещение советских ракет на Кубе. В мировую историю эти события вошли под названием Карибского кризиса.

Событиям, связанным с историей Карибского кризиса, посвящена достаточно обширная литера-

тура: исследования, научные статьи, воспоминания участников и т.п. Однако до сих пор далеко не все события, связанные с этими драматическими днями, получили должное освещение. В данном случае речь пойдет об участии советских подводных лодок Северного флота в карибских событиях.

Противостояние двух ядерных сверхдержав проявлялось не только в гонке вооружений, но и в их стремлении поделить мир на сферы влияния. Одной из таких сфер в начале 1960-х гг. стала Куба, на которой в 1959 г. победила революция за национальную независимость под руководством Фиделя Кастро. Через два года руководство Кубы заявило о начале строительства социализма

на острове Свободы. Стремясь привлечь Кубу к социалистическому лагерю, Советский Союз вкладывал туда значительные материальные средства, развивал с ней экономические и торговые отношения, оказывал значительную помощь в развитии образования, здравоохранения и т.п. Помощь СССР особенно усилилась, когда в ответ на национализацию американских предприятий США установили вокруг острова экономическую блокаду, не останавливаясь и перед попытками свержения «кастровского» режима вооруженным путем.

Вспоминая об этом периоде, руководитель Советского государства Н.С. Хрущев писал, что «...пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача, нам пришлось срочно... закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами». Однако он считал защиту «свободного острова» очень важным делом, поскольку «сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития ее в этом направлении... стала бы прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран...». Новому руководству Кубы оказывалась и военная поддержка. В тех же воспоминаниях о Карибском кризисе Хрущев пишет, что «Кубе давали столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял тогда не о количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые могли бы владеть современным оружием».

Из состава Северного флота в 1961 г. на объект «303», как именовалась в документах Куба, были переброшены 12 торпедных катеров на транспортных теплоходах. Старшим группы был назначен капитан Ю.Б. Морозов. Переход на Кубу занял 28 суток. Там офицеры-североморцы наладили боевую подготовку кубинцев. Командующий вооруженными силами Кубы Рауль Кастро Рус, брат Фиделя Кастро, остался доволен торпедными стрельбами и объявил Ю. Б. Морозову благодарность.

В апреле 1962 г., когда советская правительственная делегация находилась с визитом в Болгарии, стало известно о том, что в Турции, на берегу Черного моря, размещены американские ядерные ракеты типа «Юпитер», которые способны за 10-15 минут достичь важнейших промышленных центров СССР, включая Москву. Именно после этого у Хрущева появляется идея о размещении в ответ советских ядерных ракет на Кубе. С его точки зрения, появление ракет на Кубе

должно было послужить предостережением американцам от дальнейших агрессивных действий. В мае 1962 г. после обсуждения с министром иностранных дел А.А. Громыко и министром обороны Р.Я. Малиновским, которые поддержали это предложение, установка советских ракет на Кубе была одобрена членами Совета Оборона и Президиума ЦК КПСС.

В ускоренном порядке, уже в июне 1962 г., Генштабом Министерства обороны был разработан план по переброске советских ракет и созданию Группы советских войск на Кубе (ГСВК) под названием операция «Анадырь». Такое название операции предполагало дезинформацию противника: якобы все грузы, отправляемые на транспортом из Кронштадта, Лиепая, Балтийска, Севастополя, Феодосии, Николаева, Поти и Мурманска, предназначались для переброски на Чукотку.

Военно-морской составляющей частью плана «Анадырь» стала разработанная также Генштабом МО СССР операция «Кама». В соответствии с ним предполагалось наряду с размещением ядерного оружия создание на Кубе базы военно-морского флота для решения оперативных задач под командованием вице-адмирала Г.С. Абашидзе. Это соединение должно было включать в себя 2 крейсера, по 2 больших ракетных корабля и эскадренных миноносца, 12 ракетных катеров и эскадры подводных лодок под командованием контр-адмирала Л.Ф. Рыбалко.

Группа советских войск на Кубе включала в себя штаб из 133 человек, ракетные войска стратегического назначения, части противовоздушной обороны, военно-морские силы, авиацию, сухопутные войска и части тылового обеспечения. Общая численность группировки достигала 44-50 тысяч человек. Командующим этой группировки назначался генерал армии дважды Герой Советского Союза И. Плиев.

Переброска ракет на Кубу началась с сентября, а к концу октября численность советской группировки достигла почти 22 тысячи человек. Все соединения и части, перебрасываемые на Кубу, оснащались новейшим для того времени оружием и военной техникой. Боевым ядром ГСВК являлись ракетные войска стратегического назначения. Для переброски грузов военного назначения привлекались транспорты Министерства морского флота. Поскольку своих транспортов не хватало, то привлекались торговые суда ГДР, Польши, Болгарии, Румынии и других стран. Правда, ракетная и другая военная техника перевозилась исключительно советскими судами.

Летом 1962 г. Н.С. Хрущев посетил Северный флот, который тогда проводил военные учения под кодовым названием «Касатка». В них участвовали более 100 кораблей и самолетов. Тогда же ему показали и запуск баллистических ракет с подводной лодки, объяснив, что запуск ракеты Р-21 с дальностью полета в 1600 км с подводного старта был произведен атомным подводным ракетоносцем К-3, который недавно прибыл в состав Северного флота. Видимо, после посещения этих учений у Никиты Сергеевича и возникла идея использовать на Кубе подводные лодки с баллистическими ракетами на борту.

На самом деле на учениях стреляла дизельная подводная лодка К-142. То есть советский подводный флот в тот период установок подводного старта ракет не имел. Однако доложенная Хрущеву информация об учениях «Касатка» позволила считать ему, что СССР располагает атомными ракетоносцами, хотя первая лодка К-19 стреляла из-под воды только летом 1964 г.

В Советском Союзе первые испытания по запуску ракет с подводных лодок стали проводить в 1955 г. из надводного положения. США также планировали строительство подводных лодок с надводным стартом ракет типа «Юпитер», однако в 1957 г. перешли к разработке новой программы – «Поларис». Американцы в июле 1960 г. произвели первый подводный пуск «Полариса». На их ПЛ размещалось 16 баллистических ракет с дальностью полета 2200 км. В ноябре 1960 г. американские субмарины вышли на боевое патрулирование с ракетами, нацеленными на объекты СССР.

В рамках операции «Кама» в середине августа 1962 г. военный танкер «Терек» был направлен в район Карибского моря для обеспечения топливом советских судов, которые направлялись в данный район. Это было новое судно, вступившее в строй в 1961 г., являясь, по сути, флагманом вспомогательного флота Северного флота. Причем команда не знала о цели похода танкера, где и кого они должны были заправлять топливом. Старший моторист танкера Вячеслав Петров вспоминал, говоря о тех событиях, что рядом с «Тереком» постоянно шли американские сторожевые корабли, а каждые два часа облет судна совершали патрульные самолеты. На запросы американцев о цели и конечной точке рейса с танкера отвечали, что на борту находятся 200 курсантов, проходящих практику. На самом деле это были моряки-подводники, которым следовало подменять экипажи советских подводных лодок, действовавших в районе Кубы.

Для защиты идущих на Кубу советских транспортов от возможного нападения американских кораблей в августе была направлена еще одна подводная лодка Северного флота Б-75, по натовской классификации «Зулу». Командовал лодкой капитан 2-го ранга Н. Натненков. Кроме функции защиты транспортов, лодке была поставлена задача тайного наблюдения за диспозицией кораблей американского флота, проведения разведки в районе базы в Гуантанамо. Но, пожалуй, главной задачей для лодки Б-75 было определение возможности прохождения рубежей противолодочной обороны, выставленных НАТО. Это было необходимо для обеспечения скрытного перехода 20-й эскадры подводных лодок Северного флота в кубинский порт Мариэль, где предполагалось их базирование. Во время своего похода лодка получала топливо и воду с вышедшего в тот же район танкера «Терек».

Во второй половине сентября 1962 года началась подготовка перехода основного состава советских подводных лодок на Кубу. Первыми должны были выйти 4 дизельные торпедные подлодки типа Б-4 (капитан Р. Кетов), Б-36 (капитан А. Дубивко), Б-59 (капитан В. Савицкий) и Б-130 (капитан Н. Шумков). Лодки этого проекта (641-го), самые современные на тот период, начали входить в состав советского Военно-Морского флота в 1959 году. В натовской классификации эти лодки именовались «фокстротами».

О цели похода экипажи, в том числе командиры, не знали. Но по количеству полученного продовольствия, запасов питьевой воды, боекомплекта, тропического обмундирования можно было судить, что поход предстоит дальний. Эти лодки выводились из состава Северного флота и поступали под непосредственное командование Генерального штаба ВМФ. Однако именно Северный флот обеспечивал подготовку и снабжение кораблей к стратегическому походу. Для ведения разведки дополнительно в составы экипажей ввели группы особого назначения (ОСНАЗ), а сами лодки оснащались специальным радиотехническим оборудованием. Капитан 1-го ранга Р.С. Аникин, будучи старшим лейтенантом во время похода, возглавляя подобную группу на Б-36, в своих воспоминаниях отмечает высокий уровень общей и специальной подготовки моряков срочной службы. Все они имели среднее или среднеспециальное образование со знанием английского языка.

Перед самым выходом в море, кроме обычного полного боекомплекта, каждая лодка получила и по одной торпедой с ядерным боезарядом, имев-

шей специальную свинцовую печать на боевой части торпеды. Для ее обслуживания в состав экипажа включался специально подготовленный человек, который не имел права отлучаться от торпеды, а в случае необходимости должен был подготовить ее к боевому применению. Опыт применения ядерных торпед имел только командир подводной лодки Б-130 Н. Шумков, который во время учений осенью 1961 года дважды выпускал торпеды на полигоне в районе архипелага Новая Земля.

В ночь на 1 октября 1962 года перед выходом в море с командирами лодок заместитель главкома ВМФ адмирал В.А. Фокин провел соответствующий инструктаж. Командиром 69-й бригады подводных лодок, шедшей на Кубу, был назначен капитан 1-го ранга В.Н. Агафонов, начальником штаба – капитан 2-го ранга В.А. Архипов, участник войны с Японией в 1945 году. Каждый командир лодки получил запечатанный конверт, который должен был вскрыть только в море. На вопрос Архипова о том, когда и в каком случае следует применять ядерные торпеды, был получен ответ, что применять их разрешается только в случае боевого нападения на подводную лодку, принуждения их к всплытию или же по специальному разрешению из Москвы.

Применение ядерных торпед несло определенную опасность, поскольку никто не знал, какое действие может оказать взрыв ядерной торпеды на саму лодку. Кроме того, разрешение на применение ядерного оружия фактически предоставляло командирам лодок карт-бланш на право начать атомную войну с Соединенными Штатами Америки. Тем не менее это разрешение исходило от Политбюро и Первого секретаря ЦК КПСС.

Командир бригады шел на лодке Б-4 капитана Р. Кетова, начальник штаба бригады В.А. Архипов находился на подводной лодке Б-59 капитана В.Савицкого. С интервалом в полчаса корабли покинули базу, расположенную в бухте Сайда-губа неподалеку от г. Полярного Мурманской области.

Выйдя в море, командиры лодок вскрыли секретные пакеты, в которых каждой лодке определялся свой курс. Общей задачей бригады являлось следование к берегам Кубы в порт Мариэль, куда они должны были прибыть к 20 октября. В дальнейшем лодки должны были действовать у побережья США в Карибском и Саргассовом морях. Переход совершался в условиях строжайшей секретности. Штурманы, рассчитав курс, доложили командирам, что для того, чтобы уложиться в срок, лодки должны были двигаться со средней скоростью не

менее 12 узлов, что было практически невозможно. Чтобы обеспечить скрытность перехода, следовало идти в подводном положении со средней скоростью в 5 узлов. При надводном движении терялся не только элемент скрытности, но в условиях штормового моря это было просто невозможно.

Чтобы уложиться в установленный срок, лодки в ночное время шли максимально возможным надводным ходом в условиях большого шторма. Электролит выплескивало из аккумуляторов, что могло привести к пожару, самому страшному бичу подводных лодок. Матросов выбрасывало из коек, ломало ребра, сигнальщикам выбивало зубы биноклями. По мере продвижения к тропикам повышалась температура в отсеках. Поскольку не имелось системы кондиционирования, температура зашкаливала за 50 градусов. От жары не спасало даже погружение, так как вода и на рабочей глубине имела высокую температуру. Экипажам лодок удалось незамеченными пройти рубежи противолодочной обороны американцев. Кстати, американцы не могли предположить такую высокую скорость и начали активный поиск советских субмарин после того, как они уже приближались к заданному району.

Советско-американское противостояние начало обостряться после 14 октября, когда американский разведывательный самолет обнаружил стартовые площадки советских баллистических ракет средней дальности Р-12 и Р-14 в районе кубинского селения Сан-Кристобаль. Причем одна из стартовых площадок была полностью подготовлена к пуску ракет. На следующий день 6 американских подлодок получили приказ выйти на боевое дежурство в Холи-Лох с ракетами «Поларис» на борту.

Президент США Джон Кеннеди 16 октября получил схемы стартовых ракетных установок на Кубе. Специально созданный им Исполнительный комитет Совета национальной безопасности из 14 человек, заседания которого носили секретный характер, должен был найти пути выхода из создавшейся ситуации. На рассмотрение выносилось три варианта: полномасштабное вооруженное вторжение на Кубу, уничтожение поставленных на острове советских ракет точными ударами и введение военной блокады Кубы. Сенат и Палата представителей США принимают резолюцию о необходимости обороны Западного полушария от советской агрессии. Обращаясь к населению вечером 22 октября по американскому телевидению, Кеннеди заявил об установлении вокруг Кубы режима, не допускающего на остров советского наступательного оружия:

«Добрый вечер, мои соотечественники. Правительство, как и обещало, провело самое пристальное расследование наращивания советского военного потенциала на острове Куба... Чтобы остановить наращивание этого наступательного потенциала, вводится карантин на все наступательное военное имущество, находящееся на пути к Кубе. Все суда любого рода, направляющиеся на Кубу из любого государства или порта, если будет установлено, что они перевозят наступательное оружие, будут повернуты в обратном направлении». После этого выступления президента среди населения США началась настоящая паника. Жители южных штатов, бросая дома, бросились бежать на Север. Американские дороги были забиты миллионами автомобилей.

К утру 24 октября режим морской блокады острова был установлен. В планах американского командования предусматривалось в первом эшелоне вторжения на Кубу использовать около 85 тыс. человек личного состава и 250 тысяч – во втором. Кроме этого, предусматривалось использование артиллерии, включая 12 установок неуправляемых ракетных снарядов (НУРС), бронетанковых сил, истребительной и бомбардировочной авиации, а также свыше 180 кораблей военно-морских сил США.

Для поиска и уничтожения советских подводных лодок были созданы поисковые группы, оснащенные радиоэлектронными средствами противолодочной обороны (ПЛО). На каждую лодку приходилось по противолодочному авианосцу (в среднем – 40 самолетов и вертолетов) и более 50 кораблей с современной поисковой аппаратурой. Кеннеди определил 60-й меридиан как рубеж 500-мильной (926 км) блокады, за который не могли проникнуть никакие советские суда. К моменту введения блокады на пути к острову Свободы находилось до 30 кораблей, некоторые из них с ядерными боеголовками к баллистическим ракетам средней дальности и крылатым ракетам.

Словами Хрущева советское руководство заявило, что остановка и досмотр советских транспортов приведет к необходимости их защиты всеми военными средствами с помощью подводных лодок, включая уничтожение американских военных кораблей.

В ответ президент Кеннеди отдал приказ о поиске советских военных лодок, принуждении их к всплытию и даже уничтожению в случае необходимости. В выполнении данного задания участвовали 85 % кораблей и авиации Атлантического флота США.

В день установления блокады командование ВМС США опубликовало особое предупреждение для мореплавателей, в котором определялся порядок всплытия и идентификации подводных лодок, обнаруженных кораблями карантина вблизи Кубы. В нем говорилось:

«Американские корабли, войдя в контакт с неопознанными подводными лодками, дадут указанные ниже сигналы, информируя подводную лодку о том, что она может всплыть для своей идентификации. Сигналы: корабли карантина сбрасывают 4-5 ручных гранат, что может сопровождаться международным условным сигналом «IDKCA», означающим «подняться на поверхность». Этот гидролокационный сигнал обычно передается на подводном оборудовании связи в диапазоне 8 килогерц. Услышав сигнал, подводная лодка должна всплыть. Сигнал и используемый порядок действий являются неопасными».

Эта информация не была доведена до сведения командиров ПЛ советским командованием, поэтому разрыв гранат вблизи лодок мог восприниматься как начало военных действий, что опять же могло спровоцировать перерастание «холодной» войны в «горячую». Сообщение об американском предупреждении советским подводникам передал на свой страх и риск контр-адмирал, командующий 20-й дивизии подлодок Л.Ф. Рыбалко, которые уже находились в кольце американской блокады. Причем районы патрулирования советских подводников столь плотно контролировались американскими судами противолодочной обороны (ПЛО), что среди командиров подводных лодок возникло подозрение о наличии американского агента в руководстве ВМФ СССР.

На самом деле советским подлодкам, чтобы не обнаружить себя, следовало противостоять мощной системе американской противолодочной обороны «Цезарь», которая включала тысячи километров подводных кабелей и множество гидрофонов. В условиях Карибского кризиса она была приведена в боевой режим. Кроме того, вступила в строй новая секретная поисковая противолодочная система СОСУС, о существовании которой до октябрьских дней знало только ограниченное число людей. Чтобы достичь района действий, определенных приказом, лодкам пришлось преодолеть не менее 5 противолодочных рубежей.

Каким бы курсом ни следовали советские подводные лодки, они наткнулись на корабли ПЛО США. Над районами патрулирования ПЛ постоянно

действовала американская авиация, оснащенная поисковой аппаратурой. Выполняя приказ командования ВМФ СССР о соблюдении скрытности действий, командиры ПЛ практически не могли всплывать на поверхность и действовали в подводном положении. Однако подводный ход обеспечивался только электродвигателями, поэтому требовалось либо всплывать на поверхность для зарядки аккумуляторных батарей, либо проводить эту зарядку через РПД (работа двигателя под водой). Во втором случае следовало действовать на перископной глубине, а прозрачная вода Саргассова моря позволяла американским самолетам обнаруживать лодки даже в подводном положении.

Экипажам, находившимся почти все время в подводном положении, приходилось действовать в нечеловеческих условиях. По свидетельству участников похода, температура воздуха в отсеках достигала 50-60 градусов, вахтенные через 15-20 минут теряли сознание, их выносили в концевые отсеки, где они, придя в себя, снова возвращались на вахту. В самых «холодных» концевых отсеках температура достигала свыше 40 градусов при стопроцентной влажности. При такой жаре электролит в аккумуляторах разогревался до 50 градусов, что, во-первых, сильно замедляло зарядку батарей, а во-вторых, происходило усиленное выделение водорода, что чревато опасностью пожара и даже взрыва, а также насыщение воздуха в ПЛ парами серной кислоты. Приборы сжигания водорода и регенерации воздуха еще сильнее разогревают воздух в отсеках. Постоянная влажность, непросыхающий пот на телах экипажа приводили к появлению незаживающих язв. По словам не склонного к патетике В.Н. Агафонова, «остановить нас могла только гибель».

Трем из четырех советских ПЛ пришлось всплыть, и происходило это в окружении американских кораблей. Первой пришлось всплыть Б-130 под командованием Н. Шумкова. 25 октября 1962 г. на ней вышли из строя все три дизеля, и после безуспешной попытки отрыва от преследования подводным ходом, когда аккумуляторные батареи разрядились почти «до воды», командир отдал приказ на всплытие. Лодка всплыла в окружении 4-х американских эсминцев, практически лишенная хода. Телеграмму Шумкова в Москву о вынужденном всплытии пришлось отправлять 17 раз: американцы забивали все каналы радиосвязи. Отремонтировать судно не представлялось возможным, для этого требовалось поставить его в сухой док. В условиях тяжелого похода не выдержал металл. Правда, еще до выхода из базы было известно о наличии микротрещин в коробках приводов двух дизелей, а аккумуляторные батареи практически выработали свой ресурс, однако подлодка отправилась в этот поход. Находясь в окружении американских эсминцев, в условиях тесноты моторного отсека экипажу удалось восстановить один из 3-х дизелей и в сопровождении американского эсминца медленно двинуться навстречу спасательному буксиру, высланному ей на помощь.

Б-36 под командованием А. Дубивко, практически прорвавшись в Карибское море, получила приказ вернуться в покинутый район, где ее обнаружили корабли американской ПЛО. Трое суток лодка пыталась вырваться из окружения подводным ходом, но при разряженной почти до нуля аккумуляторной батарее вынуждена была всплыть на последних ампер-часах. Всплывшую лодку вместе с 4-мя другими эсминцами и авианосцем держал под наведенными орудиями эсминца «Чарльз П. Сесил». Командир авианосца получил радиogramму от Дж. Кеннеди: «Всплыв-

Подводные лодки этого типа использовались СССР при Карибском кризисе

шую подводную лодку держать всеми силами и средствами». По словам начальника радиотехнической части лодки Ю. Жукова, «мы по-настоящему боялись, что американский эсминец может нас таранить. Мы не были уверены, что не идет война». Не обращая внимания на сопровождающий эсминец, лодка, подняв флаг СССР, провела полную зарядку батарей и, улучив момент, совершила срочное погружение и ушла от преследования.

Острота Карибского кризиса достигла наивысшей точки 27 октября. Всплывшая ночью для зарядки окончательно севших батарей, Б-59 капитана В. Савицкого оказалась в окружении американского авианосца «Рэндолф» и 11 эсминцев и фрегатов. Самолет штурмовой авиации, патрулировавший район всплытия, дал несколько залпов по курсу и вдоль бортов лодки. За весь период зарядки ПЛ, которая продолжала идти курсом на запад, эсминец «Бэри» совершал провокационные действия: резал курс, сбрасывал глубинные бомбы, самолеты противолодочной авиации имитировали боевые заходы. Эсминцы перекрывали лодке все румбы

для выхода из окружения. В этих условиях нервы командира не выдержали, и он хотел отдать приказ на пуск торпед по кораблям противника. Обстановку разрядил находившийся на борту начальник штаба дивизии капитан 2-го ранга В.А. Архипов, убедивший командира отказаться от применения оружия.

В октябре 2002 года в Гаване прошла конференция, посвященная 40-летию Карибского кризиса. Бывший министр обороны США Р. Макнамара, присутствовавший на ней, отметил, что ядерная война была значительно вероятнее, чем это считалось ранее. Один из организаторов конференции, Томас Блэнтон из университета Джорджа Вашингтона, заявил, что «парень по фамилии Архипов

спас мир». В.А. Архипов в 2003 году посмертно удостоен Национальной премии Италии – премии Ротонди «Ангелы нашего времени» за стойкость, мужество, выдержку, проявленные в экстремальных условиях. Зарядив аккумуляторные батареи, Б-59 внезапно на глазах американцев ушла на глубину и, резко изменив курс, смогла оторваться от преследования.

Единственная лодка, которую американцы не смогли поднять на поверхность, оказалась Б-4 под командованием Р.Кетова. Несмотря на полностью разряженные аккумуляторы, ей удалось уйти от преследования.

27 октября советскими зенитными ракетами на Кубе был сбит американский самолет-разведчик, пилот которого погиб. Это еще больше накалило обстановку. Американское командование готовилось отдать приказ на начало военных действий против Кубы. По сообщению директора Федерального бюро расследований Э.Гувера президенту Кеннеди, советские дипломаты приготавливали к уничтожению секретные документы в своем посольстве. Мир отделяло от войны несколько часов. В это время

поступило сообщение, что около 20 советских судов остановились и уходят от линии карантина.

Именно в этот день руководителям двух сверхдержав удалось найти компромиссное решение. Хрущев вынужден был согласиться с предложением Кеннеди о выводе советских стратегических ракет под наблюдением представителей ООН. В свою очередь Америка пообещала убрать свои ракеты из Турции и не начинать военных действий против Кубы. Карибское противостояние пошло на убыль. Компромисс достигался усилиями обеих сторон. Но не следует забывать, что согласие СССР демонтировать и увезти ракеты и бомбардировщики с Кубы стало известно в Вашингтоне менее чем за сутки до назначенной правитель-

*Василий Александрович Архипов
(1926–1998)*

ством США атаки военно-воздушных сил, морских и сухопутных частей.

Однако подводные лодки не сразу были отозваны из района конфликта. Они продолжали патрулирование в районе Багамских островов. Приказ на возвращение на свою базу в г. Полярный стал приходить только во второй половине ноября. Кстати, радиооператоры Б-4, получившей приказ на возвращение 20 ноября, перехватили переданную открытым текстом телеграмму командующего ВМС США в Атлантике, в которой выражалась благодарность находившимся здесь советским подводным лодкам за предоставленную возможность поучаствовать в совместных предприятиях. Это подтверждает мнение капитана Р. Кетова, что американцы точно знали об их походе и полученных приказах. Просто они не смогли принудить к всплытию все советские ПЛ.

В начале декабря подлодки стали приходить на базу на последних остатках горючего. Выходя в поход, топлива не жалели, так как считалось, что ПЛ идут только в один конец. Последние мили, уже перед входом в Кольский залив, одна из лодок шла на смеси моторного масла и остатков топлива, используя опыт Великой Отечественной войны.

Каждую подводную лодку встречали представители Главного штаба ВМФ. Комиссию по разбору итогов похода возглавлял контр-адмирал Иванов. Она сосредоточила усилия на выявлении допущенных нарушений. В расчет не принимались необычные условия плавания, техническая непригодность подлодок к такого рода операциям, явные ошибки командования при подготовке к походу и во время него, а главное, реальное соотношение противоборствующих сторон. Никто не хотел слушать о новой тактике при действиях против американских противолодочных сил.

Разбор кубинского похода состоялся в январе 1963 года в Министерстве обороны СССР с участием высшего руководства ВМФ и Северного флота, а также командиров подводных лодок. Заседание проводил замминистра обороны А.А.Гречко. Главный вопрос, который волновал маршала: почему командиры нарушили приказ о скрытности перехода и дали обнаружить себя американцам. Никто из командования ГШ ВМФ СССР не взял на себя ответственность за результаты похода. Пояснения пришлось давать командирам подводных лодок. Они объясняли, что дизельные подводные лодки не могут постоянно находиться под водой, поскольку им необходимо

периодически всплывать для зарядки аккумуляторов. Оказалось, что военно-политическое руководство страны, в том числе и лично Хрущев, считали, что на Кубу были отправлены атомные подлодки (АПЛ), которые могут совершать длительные плавания без всплытия на поверхность. Но в 1962 году ни одна из имевшихся подводных лодок (проект 658, по классификации НАТО – «Хотел») с ядерной энергетической установкой не была готова к несению боевой службы. Почти все они проходили заводской ремонт после обнаруженных неполадок. Именно поэтому командование Северного флота приняло решение о направлении на Кубу дизельных подлодок.

Кроме того, лодки такого типа в 1962 году могли применять баллистические ракеты только с надводного старта. Установку Д-4 с возможностью запускать ракеты из-под воды имела только лодка К-142, которая в тот момент проходила испытания. Переоборудование ПЛ этого проекта с ядерной энергетической установкой и дизельных проекта 629 (по классификации НАТО – «Гольф») на подводный старт ракет началось в 1963 году. Первой из атомных подводных лодок стреляла из-под воды лодка К-19 летом 1964 года. Скорее всего, по этой причине (невозможности скрытно использовать ракеты) были сняты с похода на Кубу 7 подводных лодок проекта 629, которые планировалось направить туда вторым эшелонном. Именно лодки этого проекта, имевшие на вооружении ракеты Р-13 с дальностью полета 350 миль, составляли основу советского подводного флота.

По свидетельству Н. Шумкова, только вице-адмирал Толстолуцкий, начальник Управления связи ВМФ, в разговоре с командирами лодок признал: «Командиры, вина и ошибки не ваши, а наши». С этим утверждением следует согласиться, поскольку командиры действовали фактически в условиях информационной изоляции. Им не сообщили о введении американцами военно-морской блокады вокруг Кубы, и для них оказалась непонятна резкая активизация ВМФ и противолодочной авиации США, применение ПЛО ручных гранат и глубинных бомб для вынуждения советских подлодок подняться на поверхность. Сеансы связи с Москвой устанавливались на 00.00 часов по московскому времени, однако в западном полушарии – разгар дня. Всплывая для связи, лодки легко обнаруживались американскими самолетами и средствами ПЛО. О местонахождении друг друга командиры также не информировались.

Кроме других ошибок, допущенных в организации похода, по словам контр-адмирала В.Г. Лебедько, следует отметить изначально нерезальные сроки и режим перехода, направление лодок не в обход, а напрямую через противолодочные рубежи, игнорируя разведанные, переданные Н. Натненковым, командиром Б-75, посланным в этот район заранее. Анализируя поход лодок на Кубу, В.Г. Лебедько делает вывод о том, что, скорее всего, командование ВМФ СССР руководствовалось не законами военноморского оперативного искусства, а конъюнктурными, политическими соображениями, стремясь продемонстрировать угрозу со стороны моря. И эта цель, в общем-то, была достигнута.

В целом высшим военным руководством СССР поход подводных лодок был признан неудачным. И хотя вина за неудачу возлагалась на командиров ПЛ, никто из них не был наказан или награжден. А экипажи лодок находились в плавании более 2 месяцев, при экстремальных условиях (температура в отсеках – свыше 60 градусов, влажность – 98 %, при недостатке кислорода и т.п.), прошли за время плавания до 12 тыс. миль.

Тем не менее советский подводный флот приобрел значительный опыт по результатам похода на Кубу. Была пересмотрена организация связи ВМФ, на подводных лодках стали устанавливать специальное оборудование для плавания в тро-

пических широтах. Командиры получили практику преодоления американских противолодочных рубежей, изучили методы противолодочной борьбы и приемы уклонения от преследования.

Результаты Карибского кризиса дали в Советском Союзе мощный импульс для строительства атомных подводных ракетносцев. Если за первые 15 послевоенных лет в СССР было построено почти 350 дизельных подводных лодок, то к концу 1964 г. флот располагал 46 АПЛ. В том числе 8 – с баллистическими ракетами и 19 – с противокорабельными.

Куба осталась независимой республикой, свободной делать выбор развития в мировом сообществе, что соответствует принципам «многополярного мира». К сожалению, современная ситуация, когда США и НАТО (СССР и Организации Варшавского Договора давно нет) разваливают независимые государства (Югославию, например), создают у границ России свои военные базы, говорит о том, что уроки прошлого не совсем учитываются, человечество не осталось без угрозы очередного военно-политического кризиса, последствия которого могут оказаться непредсказуемыми.

□

Виктор Николаевич КОПАНЕВ

после окончания историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета работал в школе.

С 1978 по 2012 г. преподавал в высших учебных заведениях г. Мурманска и г. Петрозаводска.

В настоящее время на пенсии.

Занимается изучением вопросов истории Великой Отечественной войны в Советском Заполярье. Опубликовал 20 научных и 12 методических работ.

Василий Григорьевич МАКУРОВ

окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета.

Кандидат исторических наук.

С 1974 года работает в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Опубликовал более 200 работ,

в т.ч. 27 научных и научно-популярных книг.

В журнале «Север» публикуются впервые.

